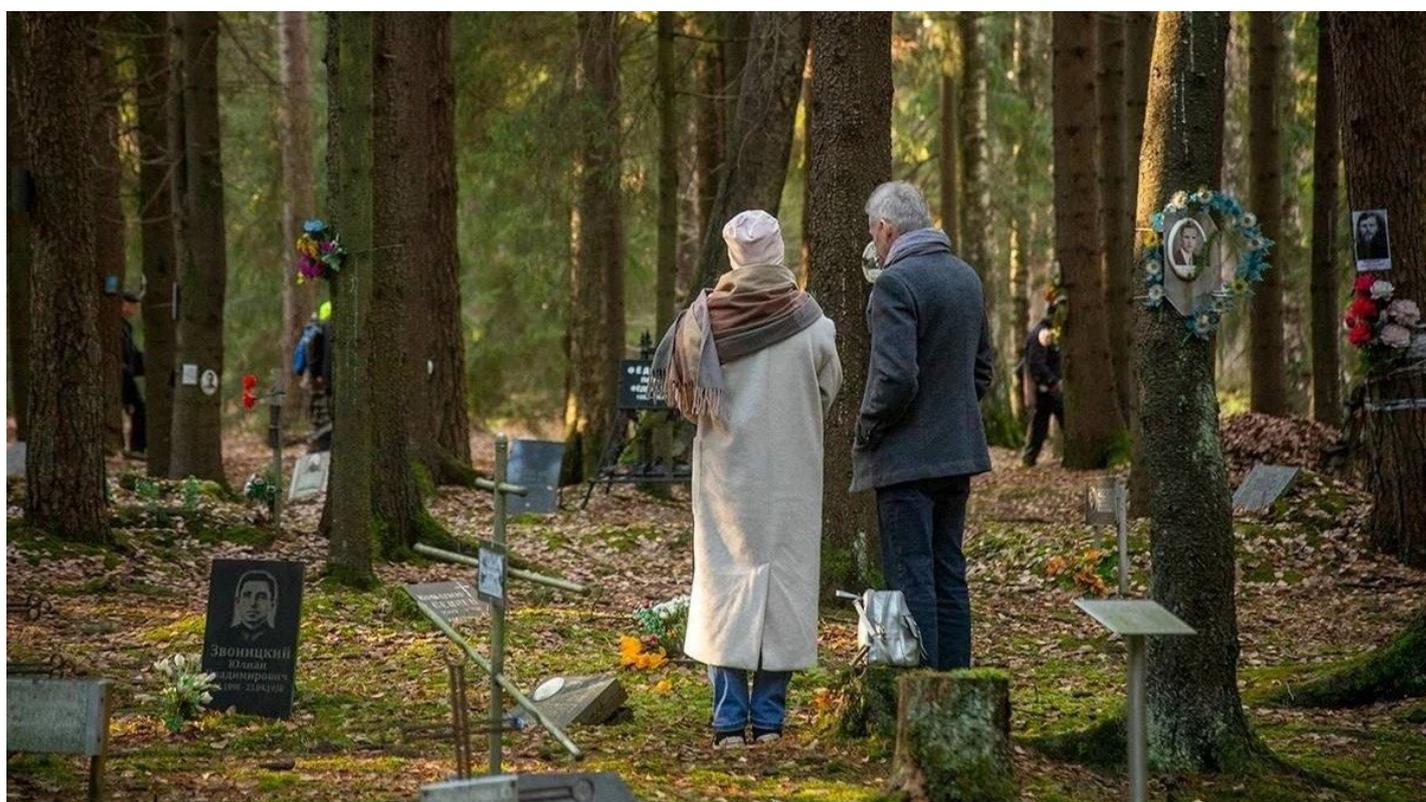

Мы — щепки, с нами лес

С нашими мертвецами сводят счета. Они лежат ровно и не могут дать сдачи — но это иллюзия. И это сублимация гражданской войны

Левашовское мемориальное кладбище. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

06:56, 30 октября 2024,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

Российская власть сегодня — не первая и не последняя — претендует на то, чтобы быть властью для всех и всего на своей территории. Плывущие над Россией облака пока уплывают, не понимая того, но мертвецов здесь уже делят на правильных и нет, и это деление возводится в ранг обязательного.

Власть ведет диалог — привычный, какой уж умеет, — далеко не со всеми. Сейчас она разговаривает в традиционной манере (за нею чуть не пять веков) с теми, кто возвышает голос против нее. Таких немного, единицы. Еще один адресат — наши мертвые, и, быть может, власть разговаривает с ними, с миллионами, не видя интереса разговаривать с миллионами живых, но безгласных.

Это вполне мамлеевско-дугинское — устремленность в потустороннее, одержимость страной мертвых, попытками контакта с нею. И это не только чьи-то персональные бзики или мужественные экзистенциальные опыты, это не только в духе всей той некроромантики, что теперь нависает над страной и зовет «положить душу за друзей своих». Это вообще-то логично вытекает из самой истории прошлого российского века. Да уже и века этого. «Жизнь слишком изменчива для того, чтобы быть точкой опоры для чего бы то ни было, — проповедовал не так давно Дугин. — Точку опоры надо искать только в смерти».

С мертвыми опять же приятней полемизировать, они бескорыстны, они лежат ровно, рядами, слушают внимательно, не перебивают.

Но это так кажется, это до времени. В российской подкорке не просто же так «Медный всадник» и «Каменный гость» — «наше всё» не ошибался, изваяния оживают, и мертвецы поднимаются.

Хронология качественного сдвига

Некоторые предварительные итоги полемики с мертвецами. Снести могут все памятники, но сносят, кажется, по алгоритму, его можно разгадывать.

Новый раунд начинается параллельно СВО. Сперва разведка и пристрелка: в марте 2022-го депутаты **предлагают** правительству демонтировать польскую часть мемориала в Катыни (Смоленская область), и в апреле к месту, где НКВД расстреливал пленных польских офицеров (4421, судя по записке председателя КГБ Шелепина), а также неизвестное количество советских граждан, **подъезжает, стоит и уезжает** колонна строительной техники, организованная неизвестными, но с российскими триколорами и буквами Z. В июне с мемориала **снимают** флаг Польши. И с мемориального комплекса «Медное» (Тверская область, там тоже останки и польских, и советских граждан).

Заметьте важное: пока светятся госдеятели разных уровней. Депутат Вассерман, помощник президента Мединский, смоленские власти. Говорят хоть и разное, но публично.

Мэр Смоленска Борисов:

«Не может быть флагов Польши на российских мемориалах! **Считаю**, что Минкульт РФ принял единственно правильное решение — убрать флаг Польши. Катынь — это российский мемориал, это российская история».

Мединский:

«Это общее место памяти. **С каким бы** презрением мы ни относились к нынешним польским властям, сносящим

памятники воинам-освободителям, сами мы — с мертвыми не воюем».

В горячую фазу разборки с мертвыми переходят в ноябре 2022-го в Томской области. Видимо, первые акции были приурочены к Дню независимости Польши, 11 ноября. И начиная с этого дня все схватки с мертвыми уже вершатся, тайно и анонимно, никто ответственности за них на себя не берет. Ни одна фамилия не названа, никто не обвинен.

В Томске срывают таблички с мемориала репрессированным полякам и с бывшего польского детдома, а на мемориалах в селе Белосток и в поселке Полозово помимо табличек с именами репрессированных исчезают кресты.

Если предположить рядовых прохожих, вдруг воспылавших гневом, предположить «поползновения буйной младости», что «наше будущее» оскверняет наше прошлое (скорее оно, прошлое, почему-то не дает покоя вот такому настоящему, что вокруг нас и благодаря нам), если предположить хулиганье, гопоту, то вся эта публика демонстрирует, прежде всего, целеустремленность, озадаченность и хорошую оснащенность.

Действуют не голыми руками — прикрученные намертво болтами или зацементированные таблички отрывают так, что никакому гневу не под силу, только хорошим инструментам. Католические кресты срезают болгаркой.

Дальше — больше: перемещение гигантских каменных глыб, слом железобетонных конструкций и т.д.

В Белостоке через полгода местная община крест **восстановит**. К этому времени, к лету, уже **поднимется** и покатится по стране настоящая волна подобных происшествий. За Томском будет Петрозаводск, кладбище «Красный Бор»: разрушен памятник репрессированным полякам, об этом сообщит генконсульство Польши в Санкт-Петербурге.

Далее Пермский край. В марте 2023 года в урочище Галяшор **пропадет** кладбищенский памятник репрессированным литовцам и полякам (с 89 названными именами), **установленный** на средства тех, кто здесь жил до ликвидации спецпоселка. Здесь хулиганы **пригонят** тяжелую технику.

Поселки Костоусово и Озерное Свердловской области, снова надгробные памятники полякам (в последнем его восстановят, но следующим летом, 2024-го, **разрушат** вновь).

В Бурятии в деревне Речка Мишиха **спилят** крест, установленный в память о расстрелянных в 1866 году восставших каторжанах-поляках, мраморную табличку унесут.

В Якутске **исчезает** мемориал полякам, жертвам ссылок XVII–XIX веков и массовых репрессий XX века, а также выдающимся исследователям якутской земли Вацлаву Серошевскому, Эдуарду Пекарскому, Яну Черскому, Александру Чекановскому. Аннигилируется он не сразу. Обнесут забором, потом скрутят и отколют таблички, затем вывезут гранитные валуны. Останется пустырь, сквозняк в зияющей дыре, так теперь заметной. Власть разводит руками: ничего не известно.

Эксцесс исполнителей, ориентирующихся на бессознательное власти? Ее попустительство,

благосклонность, прямой заказ? Неизжитые коллективные невроты? Или это намеренное прояснение вполне известного России мировоззрения, твердое подтверждение его, чтобы никто уже не мог заблуждаться, не говорил, что не предупреждали?

Но нет. Когда в Воркуте в заброшенном поселке Рудник вдруг упадет девятиметровый бетонный крест в память об узниках ГУЛАГа из Польши, местные власти **заявят**, что никакого отношения ни к кресту, ни к его сносу не имеют. В полиции **скажут**, что крест (стоявший с 1997-го) упал «под воздействием погодных факторов, исключая участие человека».

Мемориал жертвам репрессий под Иркутском, в Пивоварихе (здесь находился расстрельный полигон). **Демонтированы** польский памятник и литовский крест, поставленные в 2015-м. И снова власть ничего в лоб не говорит, прячется за несуразицей, **заявляет**, что они установлены незаконно, но демонтированы «временно и переданы на хранение». Причина — мешали «наведению порядка» и «благоустройству».

В Левашовской пустоши **исчезает** памятник жертвам польской операции НКВД, расстрелянным в Ленинграде. На месте установленной в 1993 году гранитной глыбы с крестом — пустота. Постфактум власти **говорят**: нападение вандалов, потребовалась реставрация. **Говорят**: облили краской. Ну да, памятники Сталину — хоть в Сургуте, хоть в Липецке, хоть поставленный у кремлевской стены при Брежневле — каждый раз демонтируют, когда их заливают краской.

Исчезают в то же время еще два **памятника** финским **солдатам**, мемориальная **доска** в Шлиссельбурге, на ней помимо узников

крепости, поляков, есть и литовцы.

На Князь-Владимирском кладбище во Владимире исчезает **кенотаф**. На нем значились имена умерших во Владимирском центре главы МИД Литвы архиепископа Мечисловаса Рейниса, украинского архимандрита Климентия Шептицкого, эстонского генерала Йохана Лайдонера, одного из организаторов Варшавского восстания 1944 года Яна Янковского, японского генерала Акикусы Сюна. Мэр Дмитрий Наумов **отзывается** неоригинально: во-первых, демонтирован для реставрации, во-вторых, стоял незаконно, в-третьих, «никаких героев там нет» (никто ваш кувшин не видел и не брал, и он уже был расколот).

Общая черта акций бросается в глаза: почти все они — против мертвых поляков. Неназванные лица атаковали не жертв сталинских репрессий, а поляков как нацию. И им все равно, кто их перед смертью мучил — советский или царский режим.

Напали на мертвых, чтобы показать живым; «спор славян между собою», переходящий на покойников. Ну так они — под боком. И, скорее всего, не ответят. Война с реальной Польшей в сублимированном виде.

В центре Левашовской пустоши польский и русский памятники жертвам репрессий открыли и освятили (по католическому и православному обрядам) в один день, 30 октября 1993 года. Русский остался, польского нет.

...Два года прошло, как все это началось в Томске, и вот снова Томск.

Тюрьма № 3 на Каштачной горе. Томск. Фото: karagodin.org

22 сентября горожане устанавливают на Каштачной горе, где в 1920–1940 годы чекисты расстреливали и где закапывали расстрелянных, народный мемориал — пять памятных столбов с портретами и именами тридцати (из тысяч) убитых. Через шесть дней власти **требуют** снести «**самовольные** постройки», дают две недели, до 11 октября, иначе примут меры сами. 16 октября столбы **пропадают**.

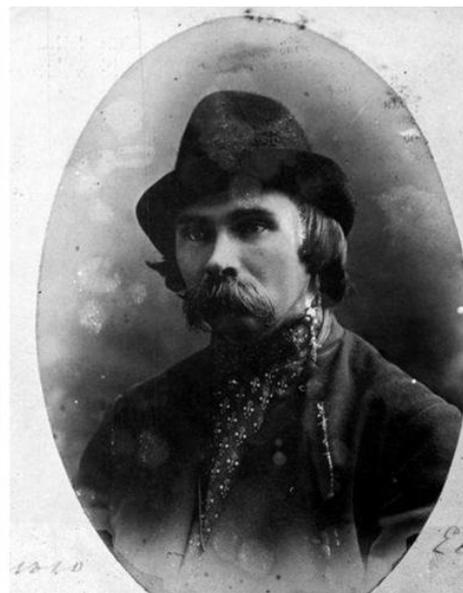
Чьи там были истории, кто там лег в овраги Каштака, ставшие братскими могилами?

Профессор, **завкафедрой** микробиологии Томского меда Иван Ломакин (изучал детскую вакцинацию, прошел врачом Первую мировую, боролся со вспышками холеры и чумы).

Врач, ученый, гематолог и **курортолог** Вячеслав Курлов, сын Михаила Курлова, основоположника терапевтического дела в Сибири, первого выборного ректора Томского Императорского

университета, и Александры Ермолиной, одной из первых в России женщин-хирургов.

Поэт Николай Клюев, не нуждающийся, думаю, в справках о нем. (В **расследовании** Карагодина допускается, что Клюева не расстреляли — умер в камере как доходяга. Речь о Томской **тюрьме** № 3. Она здесь, на Каштачной горе.)

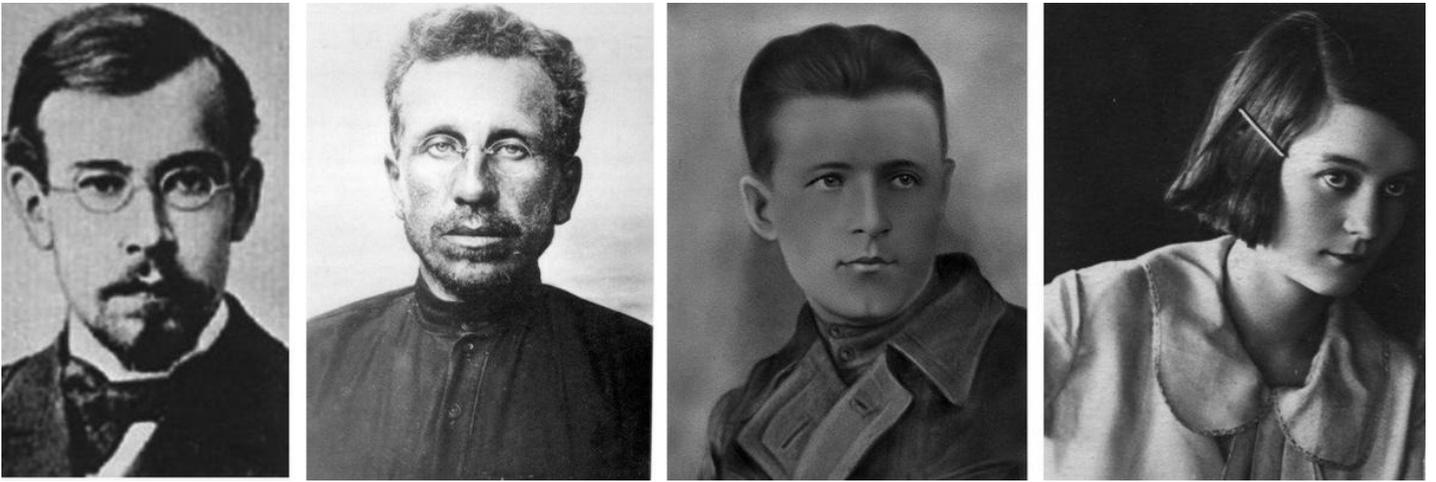
Иван Ломакин, Вячеслав Курлов, Николай Клюев. Фото: Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»; Arzamas

Филолог-славист, **академик** АН СССР (а также Болгарской и Польской академий наук) Григорий Ильинский.

Ученик Вернадского, **геолог** и почвовед, давший первый научный прогноз о крупнейших запасах нефти под Большим Васюганским болотом, в целом о нефтяном будущем Сибири Ростислав Ильин.

Князь Александр Голицын.

Княгиня Ольга Урусова.

Григорий Ильинский, Ростислав Ильин, Александр Голицын, княгиня Ольга Урусова. Фото: Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»

Заметили общее? Уже не поляки. Это русские. Хотя среди расстрелянных на Каштаке, конечно, не только они. Например, сын офицера австро-венгерской армии и польской дворянки Густав Шпет — большой философ, уже русский, теоретик искусства.

Это гражданская война с нашими мертвыми, нашими уже и по почве и крови, нашими на все сто — у них нет никого другого, кроме нас, здесь и сейчас живущих.

Как с мертвыми поляками — тоже были пристрелочные мероприятия: в Санкт-Петербурге с бывшей тюрьмы «Кресты» **сняли** мемориальную доску с цитатой из «Реквиема» Анны Ахматовой, в Дебине на Колыме год назад **закрыли** музей Варлама Шаламова. **Исчезновение** табличек «Последнего адреса», заклеивание их мусорной рекламой, закрашивание. На них — просто горожане, жертвы Большого террора; казалось бы, что может быть ближе современному человеку: вот они, такие, как ты, это не поляки, не евреи, не генералы, не комиссары, а бухгалтеры, водители, моряки, грузчики, учителя, врачи, вахтовики, юноши и девушки, старики и старухи, русские,

удмурты, татары... Таблички — маленькие, как ты, незаметные, как ты, с пробелом, дырой на месте портрета, подставь хоть кого, хоть себя, с минимумом биографии — это не важно. Таблички начали скручивать чуть не сразу, как их стали привинчивать. Но с СВО процесс активизировался.

В войнах с памятниками ничего удивительного нет, они происходили везде и всегда. Но, во-первых, обычно воюют с памятниками неоднозначным личностям. С памятниками тем, кто олицетворяет собой эпохи. Сейчас уничтожают кресты, камни, столбы, поставленные не субъектам — объектам. Жертвам. Не жерновам — зерну, не топору — шеям. Народу. Народам. Его частям, существенным. Более чем существенным. Как такое вообще возможно, в какой голове это может ровно улечься?

Во-вторых, поднявшаяся в России волна идет не по площадям крупных городов, не по обычным монументам, а — по надгробиям, по крестам, по братским могилам, расстрельным ямам, местам массовых захоронений. Вандализм и кладбищенский вандализм — разные.

В-третьих. Враг и внутренний враг — тоже разные, там тоже отличий больше, чем сходств. Много где в Восточной Европе с азартом сносят Лениных, русских полководцев, воинов-освободителей.

И нигде — памятные надгробия над массовыми захоронениями своих соотечественников, за что бы те ни стояли и ни погибали.

Споры и конфликты по поводу, скажем, питерской доски Маннергейму или орловского [памятника](#) Ивану Грозному — это

общественный феномен какой-никакой культуры, политики, где хотя бы присутствует разделение на «своих» и «чужих». Сносы на Каштачной горе — явление биологическое, пещерное, голое, очищенное от всего человеческого.

Русские буквы и их текст

Динамика очевидна. Это логика войны: эскалация и углубленный, все чутче, поиск врага. И если весь мир вовне уже заклеен, и даже его покойники, внутренний враг и его мертвецы — самое то. И — пока не навоюемся.

В то же время власти все ужесточают наказание за покушение на наследие Победы, все больше лозунгов, пафоса, генерал Бастрыкин берет под личный контроль все случаи недолжного обращения с Вечным огнем, а их все больше, и видео об этом все больше. Как это связано?

И коли идет по восходящей, значит, еще все у нас впереди?

От «садовых изваяний» в виде грузина с трубкой (на частные деньги и на частных территориях) Россия за последние годы дошагала уже до прямого участия государства в установке памятников Сталину. Открыто отметились [вологодский губернатор](#) (это государственный уровень) и [администрация Туруханского района Красноярского края](#).

Участие властей [Магаданской области](#) и Томска в войне с памятью также не скрывается.

С какой целью? Сформировать идеологически выдержанную коллективную память? Но какая здесь и сейчас идеология? Ощущение личной беспомощности и, напротив, — силы и мощи

государства?

На Стену скорби скульптора Георгия Франгуляна пока не покушаются. И на Соловецкие камни на Лубянской площади Москвы и Троицкой площади Петербурга. И на Маски скорби Эрнста Неизвестного в Магадане и Екатеринбурге.

К слову, третью Маску, в Воркуте, **не поставили**. А изначальный замысел был в Треугольнике скорби с вершинами в этих городах. Пока же есть линия, перечеркивающая чуть не всю Россию, азиатскую ее часть.

Но это витринная память. Как без нее. Да и, в конце концов, Стену скорби открывал в Москве Путин. Что с остальным — с крестами и валунами?

И какой в них, в камне, в дереве, толк, если они безмолвны, а говорящий «Мемориал»* ликвидировали, говорящих историков и активистов преследуют, выдавливают из страны, учебники и государственную концепцию памяти о репрессиях **переписали**, робкие следы медведевской десталинизации зачищены, архивы последовательно закрываются с 1997 года... Что значат памятники (или их отсутствие), если этим не вызвана рефлексия, общественное обсуждение? А кому обсуждать? Сами по себе памятники недостаточны, и вот этих букв мало — что нанесли на плиту к установленному в 2003-м на Каштачной горе девятиметровому поклонному кресту: «Вечная память невинно убиенным». И томичи абсолютно правы, добавив букв, добавив столбики с фотографиями тех людей (еще живых в тот момент, когда их снимали), добавив рассказы о них. Если не устанавливать связи с ними — зачем тогда эти кресты и памятники?

В конце концов, это именно в Томске на университетской библиотеке крупно написали: «Мы — буквы, с нами текст».

Автор, питерский художник Владимир Абих, говорит о перефразе суворовского «мы — русские, с нами Бог», но у Абиха, очевидно, получилось просто умнее и немного все же о другом. Да, все же не щепки, не стружки — но буквы, неотъемлемая часть текста.

Историк и томский краевед Василий Ханевич **точен:**

Василий Ханевич:

«Это первая попытка сделать для посетителей это место значимым. Чтобы оно было не местом неизвестно каких репрессированных людей, а имеющих свою судьбу, свою историю».

Неплохо бы действительно понять, почему из этих букв складывается именно такой текст.

И автор проекта «Последний адрес», журналист и издатель Сергей Пархоменко**, привинчивая в далеком 2017-м первые две таблички в Красноярске, был прав:

Сергей Пархоменко:

«Люди должны говорить и думать про это. Весь смысл в этом, а не просто в установке знаков. И надписи на табличках намеренно мелкие. Это сделано для того, чтобы нужно было предпринять усилие — рассмотреть,

прочитать, узнать, задуматься».

28 октября 2024 года. Руины в центре Красноярска на месте снесенного дома Телегина и соседнего. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Выборочная мемориализация

Одна из тех двух табличек «Последнего адреса» в Красноярске (на ней цифры рождения и расстрела первого главного инженера Красноярской судовой верфи Александра Телегина) провисела лишь три месяца — деревянный исторический дом пошел под снос, и председатель красноярского «Мемориала»*** Алексей Бабий свинтил ее, успел, находится у него на хранении. Прошло, кстати, семь лет, а на месте того подожженного, потом снесенного дома (и еще соседнего) так презентованную многоэтажку и не построили, место обнесено дощатым забором с плохо покрашенной рекламой наркомагазинов, внутри стоянка, но спросом она не пользуется, заросла бурьяном. Центр

города.

28 октября 2024 года. Сохранившаяся табличка «Последнего адреса». Красноярск, ул Марковского. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Вторая табличка на общежитии Университета Решетнева висит нетронутая. На ней — цифры оборванной **судьбы** 30-летнего кладовщика банно-прачечного комбината Ивана Натолушко.

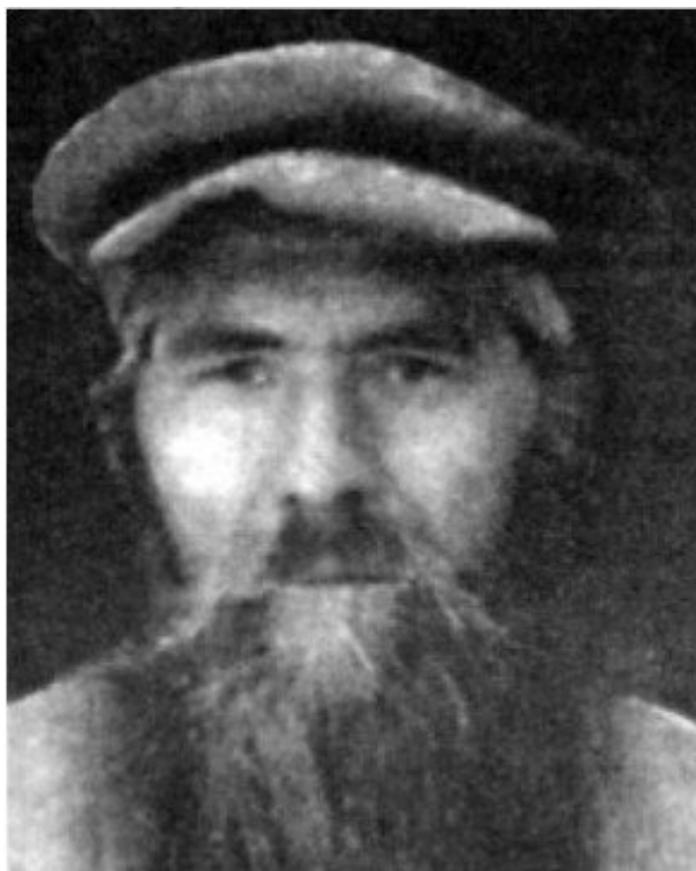
Мария и Иван Наталушко. Фото: красноярское общество «Мемориал»***

И появились еще две таблички. Начальнику цеха в типографии Николаю Апрелеву и священнику Семену Павлову (о. Симеону; когда церковь в Уяре, где он служил, закрыли, переселился в Красноярск, работал счетоводом в китайской артели «Красный огородник»).

О. Симеон с семьей. Фото: красноярское общество «Мемориал»

Таблички изготовил и установил внук о. Симеона Александр Гатченко. Долго ходил по чиновникам, объяснялся: дома того уже нет, на его месте — под выстроенным мостом через Качу — автостоянка, можно там на заборе эти таблички прикрепить? Всюду — отлуп. Тонны бумаг-согласований и бумаг-отказов. Бабий сказал: ну зачем, зачем вам эти круги ада? Стоянщик разрешит, и — вешайте.

Апрелев Н.В., Павлов Семен (о. Симеон). Фото: красноярское общество «Мемориал»

Владелец стоянки без колебаний согласился.

Периодически проезжаю мимо, торможу и попадаю именно на него, не на сторожей, и он, уж не знаю, за кого меня принимает, — всегда с ходу докладывает, что таблички они берегут и никому не позволят их снять, «потому что красота».

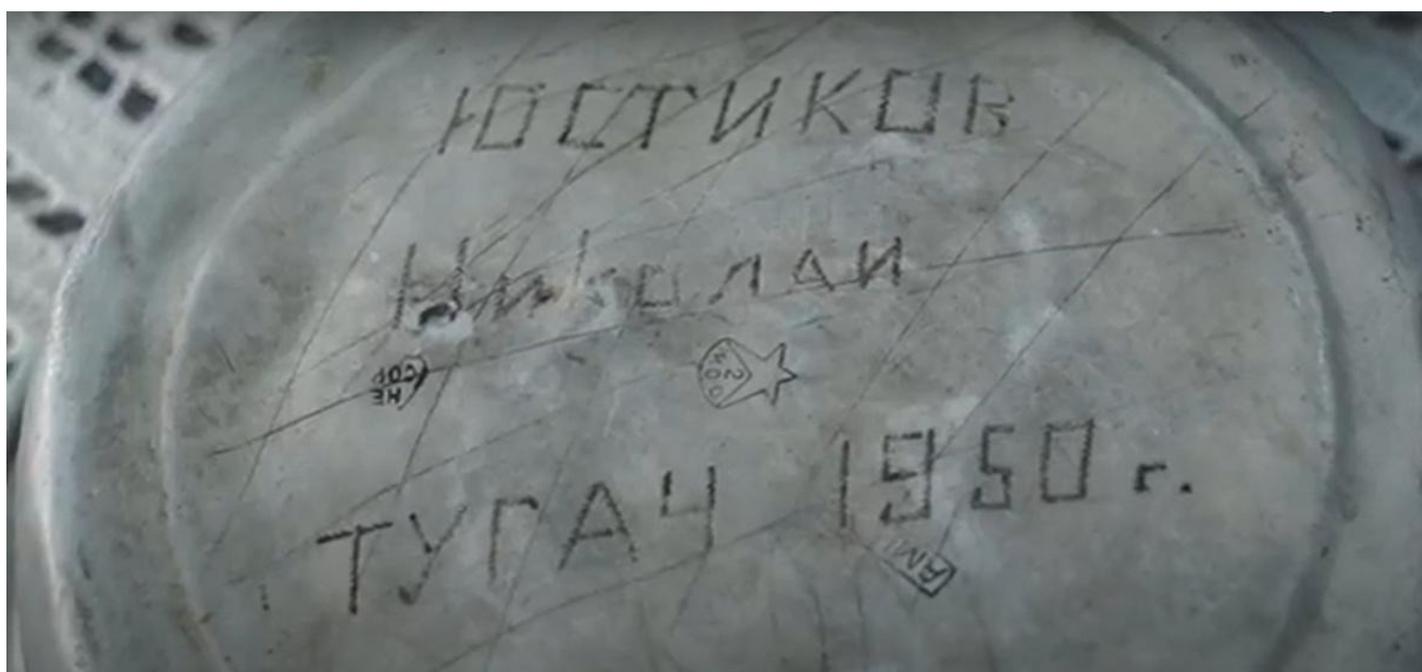
Таблички «Последнего адреса» на заборе автостоянки под мостом в Красноярске. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

На всякую новость о спиленных крестах и скрученных табличках есть известия с обратным знаком, ничто не закончилось и не предрешено; в Москве на месте исчезнувших пластин из нержавейки (по последнему адресу расстрелянных) появляются новые, их опять скручивают, и опять появляются. Из стали или самые дорогие — картонные, от руки написанные. Не раз уже исчезающую табличку поэту и писателю, члену Еврейского антифашистского комитета Перецу Маркишу жители дома, сделав по периметру в стене углубление, накрыли бронированным стеклом.

В дневнике Бабия за днем 6 февраля, когда он отчитывается, что отвинтил табличку по последнему адресу Телегина («А то ведь эти манкурты ее тоже на дрова попилят. У них ни вчера, ни завтра нет, да и сегодня сужено до сейчас. Табличка пусть полежит. Она еще пригодится»), следует запись от 8 февраля:

«Пока в Красноярске рушат исторические дома, в Тугаче восстанавливают исторические лагерные бараки. Молодцы саянцы. (В Тугаче Саянского района Красноярского края стоял лагерь, и сегодня там живут потомки и тех, кто охранял, и тех, кого охраняли, и вместе местные создали музей. Как раз 7 февраля саянцы **сняли** с петель аутентичную дверь и отправили ее в Москву, в музей истории ГУЛАГа, вместе с подлинными зэковскими шапками, мисками, кружками, ложками, черпаками. — А. Т.) Сейчас по надписям на мисках будем восстанавливать, кто там был».

Надпись на зэковской миске, лагерь в Тугаче. Фото: Саянский музей, Красноярский край

Ярцево (Енисейский район Красноярского края, север): здесь минувшим летом **установили** мемориальную доску писателю с потрясающей судьбой Олегу Волкову (1900–1996), в Ярцево он был в одной из своих ссылок (1951–1955). В библиотеке открыли выставку о нем.

Мемориальная доска, установленная минувшим летом в Ярцево, Красноярский край. Фото: красноярское общество «Мемориал»

И Томский музей «Следственная тюрьма НКВД» (в том подвале, где была внутренняя тюрьма горотдела ОГПУ-НКВД), первый музей истории советских массовых репрессий в России, по-прежнему устраивает новые выставки. Прошлой зимой — совместная с музеем истории ГУЛАГа [экспозиция](#) «Мне без тебя так трудно жить»: судьбы восьми семей в репрессиях 1930–1950-х годов. Разлука с родителями осталась невосполнимой. Герои выставки жили, выросли, старились с чувством горечи от случившейся несправедливости и невозможностью ее исправить. А все минувшее лето здесь как раз работала коллективная [фотовыставка](#) «Овраги Каштака: практика нахождения». Это опыты фиксации пространства — оно тут, как уже заведено, сложносочиненное, искаженное: большинство захоронений уничтожено, гору активно застраивали, здесь теперь большие микрорайоны.

В Томском музее «Следственная тюрьма НКВД». Фото: архив музея

И вологодцы, которых начальство захотело осчастливить памятником Сталину, не молчат, [создали петицию](#) против: «Установка памятника реабилитирует культ личности и насилия в нашей стране. Отмена решения губернатора предотвратит напряжение и назревающий раскол в обществе».

«Да отняли список, и негде узнать»

Никаких системных механизмов против повторения самых кошмарных эпизодов отечественной истории нет. Никто, ни одна политическая сила так и не смогла их выстроить — хотя возможности были. И уж, конечно, нет ничего, что помешает властям хоть завтра зачистить все памятники жертвам политрепрессий: общественное мнение если и было в зачатке — его уже не слышно, а законы, естественно, на стороне власти.

Из [пояснений](#) Александра Кузнецова (управление Минкультуры РФ по Сибирскому федокругу) явствует: во всем Красноярском крае (если что — это одна седьмая России, один из самых гулаговских регионов) в реестр охраняемых

памятников занесен только один памятник, связанный с политическим произволом советского государства, — стальной католический крест, поставленный литовцами в Ревучем в 1989 году своим соотечественникам.

Все остальные кресты, камни, памятные доски, мемориальные знаки и постройки, появившиеся в дальнейшем за 35 лет, жертвам сталинских репрессий на расстрельных полигонах, на островах лагерей и т.д. не внесены даже в список «выявленных памятников истории и культуры».

Улица Коммунистическая, рядом с автостоянкой с табличками «Последнего адреса». Центр Красноярск.
Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Чиновники говорят о 40-летней паузе перед внесением в реестр, вполне иезуитски ссылаясь на законы. С такой же изощренностью констатируют, что не все памятные

сооружения и знаки, «особенно не связанные с местами захоронений», обладают признаками объектов культурного наследия и могут быть рекомендованы экспертами для включения в реестр — «например, своеобразный закладной камень «Жертвам политических репрессий», установленный в 2001 году у здания культурно-исторического центра в Красноярске». Ну да, в Красноярске нет памятника жертвам сталинских репрессий — заложен лишь вот этот, более чем скромный, Камень памяти. Не Камень — камушек. И он не привязан к расстрельным рвам.

Так места, где в Красноярске расстреливали и закапывали, до сих пор засекречены, те места массовых расстрелов и захоронений, что нашли «мемориальцы» и собрали свидетельства, — застроили, на расстрельном полигоне, например, стоит КрАЗ. И никакого памятного камня там поставить никто не позволит. Власти не признают, что там что-то до КрАЗа было. А памятники не жертвам, а участникам антисоветских, антисталинских восстаний в крае — хоть крестьянских, хоть эковских, одиноким диссидентам брежневской эпохи, что в реальности были не только в столицах, но и в рабочих поселках, в «городе трудовой доблести» Красноярске, — в общем, настоящим национальным героям, чью память и стоило бы прежде всего увековечивать, — за все минувшие десятилетия так и не появились. Им не воздано должное. Их забыли.

Проблема не столько даже в разрушении памятников, сколько в их отсутствии там, где они должны быть, — на расстрельных полигонах или у мертвой сталинской дороги в сибирских топях. Это зияющая, говорящая, вызывающая пустота.

«Хотелось бы всех поименно назвать, / Да отняли список, и негде узнать» — вот и Анне Ахматовой поставили памятник не у «Крестов», а она ведь хотела именно там — где она стояла, каменья, «семнадцать месяцев в тюремных очередях».

Призраки нас не оставят

«Никто не забыт, ничто не забыто». Это только о той войне? Написано: никто и ничто. То есть обязались помнить всех и всё без исключения. Да и ту войну не отделить от сталинских репрессий. Она и то, какой она была, — во многом следствие. Причины и в репрессиях тоже.

Или вот еще: «русские своих не бросают». Мертвых — можно?

Вообще-то их и не бросить. Можно лишь чувствовать их на своих плечах или не чувствовать. Это не отменяет того, чтобы нести их и дальше — пока не разберемся в себе и в них, не воздадим должное всем. Маскультовский трэш о зомби родился не на пустом месте, это не фантазии, это суровый реализм, мертвые постоянно возвращаются — пусть не в физическом виде, но вот круг наших главных проблем: откуда он, откуда все это? Настоящее — целиком, просто целиком — из прошлого, из вот этих крестов, надгробий, мертвецов, откуда еще бы; «Лета течет вспять», как писал один, еще живой, наш классик, и пусть он писал к другому, это не отменяет верности формулировки, всё из той жути прошлого века — с поправками на современные технологии и прогресс, сугубо технический, позволяющий обходиться точечными репрессиями, но люди увлекаются, да.

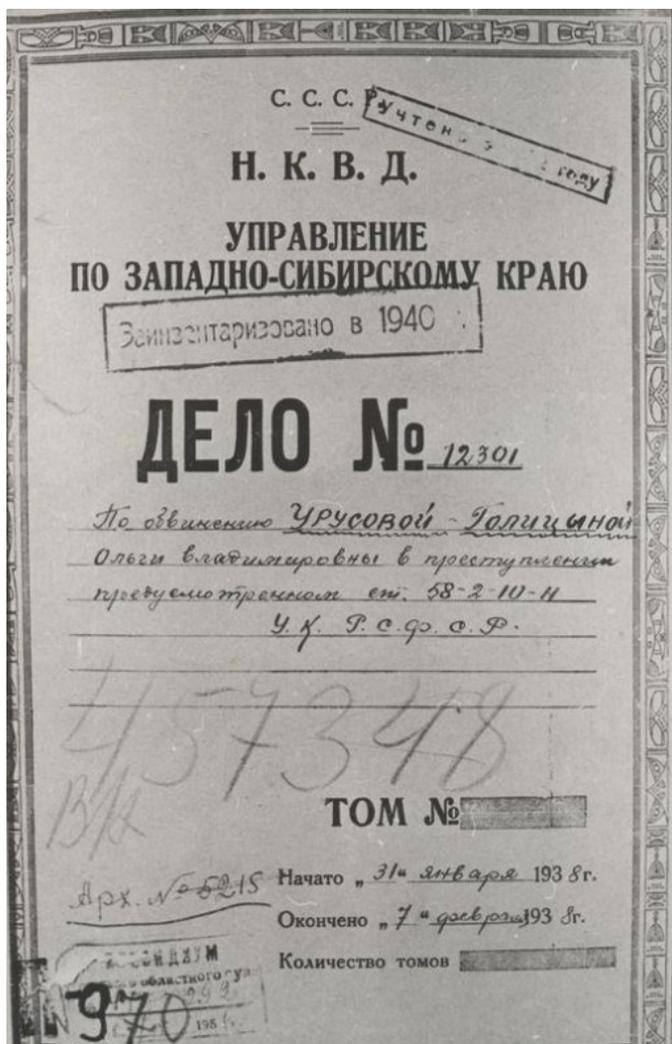
И подправляя что-то в нашем общем прошлом сейчас, мы так меняем это «сейчас», и речь, разумеется, не о памятниках, а о живых. Не нравится сегодняшняя Польша (а она такая, как есть, — благодаря и вот этим сгинувшим в России соотечественникам) — что ж, отыграемся на мертвецах, и

Польша, по крайней мере, в нашем представлении, отхватит свое, получит заслуженное, станет той, что надо. И так мы увеличим свое место, свое присутствие в настоящем. Напрямую в нем мы не можем поменять ничего, выбрать в состоянии разве только режимы для стиральной и посудомоечной машин. Зато в прошлом можем поменять все.

Неудовлетворенные современным миром, тем, что творится вокруг нас, желаем его пересоздать — вот что такое эта война с мертвецами. Памятники им прямо перед нами. Сфокусироваться на них легче всего.

И вся надежда, наверно, на них, наших мертвых, чтобы они по-прежнему не мирились, не поддавались, оставались стойкими. Ну а кто/что еще может нас спасти?

И если не верить в потустороннее, загробную справедливость, как примириться с тем, что ты видишь?

Дело Ольги Урусовой. Фото: Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»

...Листаю фотоотчет об открытии выставки «Овраги Каштака: практика нахождения», вдруг вижу среди ее посетителей княгиню Урусову-Голицыну — там, на кромке оврага, расстрелянную. Революция случилась, когда Ольге исполнилось 5 лет, а с ее замужества и рождения дочери, с 1933 года, — арест, ссылка и далее не знала ничего, кроме скитаний и унижений, — лишь из-за дворянского происхождения. Декабрь 1937-го: арест мужа, князя Петра Урусова, работавшего инженером-теплотехником в строительном тресте, смерть дочери Ирины четырех лет; январь 1938-го: расстрел мужа и ее арест, одновременный с братом Александром Голицыным. Князь служил актером в Томском драмтеатре. Расстреляли «контру» 5 марта. Ей было 25 лет. Мужу 30. И брату 30. Его расстреляли позже, летом 38-го.

И вот музейный отчет об открывшейся выставке. И она, Ольга

Владимировна, стоит, замерла, слушает, подняла смартфон, наверное, снимает. И я тоже замер.

На фотовыставке «Овраги Каштака: практика нахождения». Фото: Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»

Это, конечно, томская студентка. Показалось. Бывает.

Ничего еще в России не кончилось. В том числе гражданская война.

* Признан «иноагентом» и ликвидирован.

** Внесен минюстом РФ в реестр «иноагентов».

*** Является одним из коллективных членов Международного «Мемориала», признанного «иноагентом» и ликвидированного

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Чтоб не помнили](#)

Власти заблокировали сайт акции «Возвращение имен» в память о жертвах советской власти — накануне самой акции 29 октября

13:34, 18 октября 2024, Борис Вишневский*

[К усам Сталина да бороду Грозного](#)

Соавтор ликвидированного музея Шаламова на Колыме — о строительстве памятника душегубу в Вологде

13:25, 17 октября 2024, Алексей Тарасов